

Б И Б Л И О Т Е К А

ОГОНЁК

№ 11

1974

Кайсын КУЛИЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

М О С К В А

Л И Р И К А

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 11

Кайсын КУЛИЕВ

ЛИРИКА

СТИХИ

Перевел с балкарского Н. Гребнев

Издательство «Правда»
Москва. 1974

Кайсын КУЛИЕВ

Кайсын Шуваевич Кулиев родился в 1917 году в ауле Верхний Чегем, Чегемского района, Кабардино-Балкарской АССР.

Печатается с 1934 года. Во время Великой Отечественной войны был парашютистом-десантником и военным корреспондентом.

В переводе на русский язык вышли книги стихов и поэм: «Горы», «Хлеб и роза», «Я пришел с гор», «Мои соседи», «Земля и песня», «Огонь на горе», «Горская поэма о Ленине», «Раненый камень», «Мир дому твоему», «Кизилловый отсвет», «Книга земли», «Книга лирики» и другие.

За книгу «Раненый камень» удостоен Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Кайсын Кулиев — член КПСС, депутат Верховного Совета КБАССР, председатель республиканского Комитета защиты мира. Избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Награжден орденами и медалями.

Кайсын Шуваевич Кулиев

ЛИРИКА

Редактор — **А. В. СОФРОНОВ.**

Технический редактор А. И. Евтушенко.

© Библиотека «Огонек». 1974 г.

Сдано в набор 4/II 1974 г. А 00544. Подписано к печати 22/III 1974 г.
Формат 70×108¹/₃₂. Объем 1,40 условн. печ. л. 1,56 учетно-изд. л.
Тираж 100 000. Изд. № 916. Заказ № 1763. Цена 4 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

СТИХИ, СКАЗАННЫЕ В ЛУННУЮ НОЧЬ

Дома соседей и тропинки сада,
где даже в самый лютый зной прохлада,
доброй вам ночи!

Все горы на земле, все речки в мире,
ступеньки, что ведут к моей квартире,
доброй вам ночи!

Работавшие вечером монтеры,
шоферы, утром едущие в горы,
доброй вам ночи!

Балкон, где девушка на солнце грелась,
и зеркало, в которое гляделась,
доброй вам ночи!

Двор, где с мячом играли ребятишки,
корыто, где стирали днем бельешко,
доброй вам ночи!

Мальчишка и его мохнатый мишка,
на полке недочитанная книжка,
доброй вам ночи!

Мать, что уснула чутко, словно птица,
влюбленная, которой не ложится,
доброй вам ночи!

Бессонная река, луна и скалы,
снега, не превращенные в обвалы,
доброй вам ночи!

ПОЭТАМ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Бессилие в горестный час,
неволя и смерть человека —
все было на свете до вас,
поэты двадцатого века!

Беда существует давно,
хватало и крови и дыма.
Но было лишь вам суждено
узнать, как горит Хиросима.

От века хватало смертей,
но прежде о том не слыхали,
чтоб в топки горящих печей
людей, как поленья, бросали.

С лихвою хватало смертей,
бывали и огни и сечи,
но проволок концлагерей
не видели ваши предтечи.

Вас тоже пытали и жгли,
хотели, чтоб вы замолчали,
кровавые раны земли
и вашими ранами стали.

И все же в годину беды
в подвалах, где тьма без просвета,
вам вешние снились сады,
двадцатого века поэты!

И ныне вам верить дано,
что ум и любовь бесконечны,
как верит крестьянин в зерно
и каменщик в камень извечный.

Поэзии есть что сказать
всем людям, живущим под страхом,
что пламя займется опять
и станет все сущее прахом.

Быть может, на свете одной
лишь ей не дано усомниться,
что вечны под этой луной
и колос и певчая птица.

ХУДОЖНИК

В былые дни художника я знал,
с утра до ночи у мольберта стоя,
всю жизнь он только женщин рисовал,
любя на этом свете все живое.

В натурах и натурщицах своих
художник видел землю, видел небо,
писал он женщин, веря, что без них
не даст земля ни яблока, ни хлеба.

Он верил, что без женской красоты
не может быть ни снега, ни капли,
он знал: без них не расцвели б цветы,
сады б увяли, реки обмелели.

Он был скорее грешный, чем святой,
самим владели им земные страсти,
и он, плененный женской красотой,
считал свой плен нелегкий высшим счастьем.

Хоть сами женщины о нем всерьез
не думали,
он не судил их строго.
Пусть на земле порой жесток мороз,
но вне земли деревья жить не могут.

Его корила вздорная жена,
и не был он соседками обласкан,
но всем невзгодам грош была цена,
когда художник кисти брал и краски.

Он отрешался от житейских бурь,
когда на мертвом полотне, бывало,
вдруг оживала женских глаз лазурь
и смоль волос горящих возникала.

О вечная, о женская краса,
перед тобой не мог он не склоняться,
недаром нас чаруют небеса,
хоть в них порою молнии таятся.

Мой друг художник, может, был чудак,
но жил он лишь натурами своими.
И тех из нас, кто видел жизнь не так,
жалел он и считал людьми слепыми.

ЖЕНЩИНА КУПАЕТСЯ В РЕКЕ

Женщина купается в реке,
солнце замирает вдалеке,
нежно положив на плечи ей
руки золотых своих лучей.

Рядом с ней, касаясь головы,
мокнет тень береговой листвы,

затишают травы на лугу,
камни мокрые на берегу.

Плещется купальщица в воде,
нету зла, и смерти нет нигде,

в мире нет ни выюги, ни зимы,
нет тюрьмы на свете, нет сумы,

войн ни на одном материке...
Женщина купается в реке.

КОГДА СТАРЕЕТ КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Когда по воле быстрых лет
она, красивая, стареет,
на небе солнце хуже греет,
заря скупее дарит свет.

Что было,
было слишком кратко,
и лучшие ее года
и красота ее украдкой
уходят прочь,
бог весть куда.

Еще даря ее любовью,
ей сообщают зеркала,
что на щеке или над бровью
морщинка новая легла.

Робеет женщина, старея,
свой виноватый прячет взгляд.
Но в чем ее вина?

Скорее
мир перед нею виноват.

И волосы ее тускнеют,
тускнеет свет, густеет мрак,
и родники журчат грустнее,
и соловьи поют не так.
Старенье женщины любимой,
трав увяданье на лугу —

я отвратить неотвратимой
печали этой не могу.

Когда красавицы сникают,
подвластны перемене злой,
предметы в доме отживают,
меняют облик свой былой.

С годами женщина тускнеет,
и старится былой кумир.
И нам, когда она стареет,
старее кажется весь мир.

Я встречу женщину седую,
ту, что запомнил молодой.
Но чем утешу, что скажу ей,—
я сам давно уже седой!

РЕЧКИ ДЕТСТВА

У всех у нас вначале были речки,
с их берегов мы начинали путь,
в их водах, маленькие человечки,
учились мы нырять и не тонуть.

Пусть эта речка — мелкий ручеек,
ее течение — это твой источник.

Закрой глаза на миг, и ты воочью
увидишь речку детства своего.
Ты плеск ее услышишь темной ночью,
когда не слышно в мире ничего.

Она течет, хоть ей и невдомек:
ее течение — это твой источник.

В чужом краю, в изгнание, перед боем,
пусть далеко твоя река, но все ж
ты плеск ее услышишь пред собою,
уснешь на миг — губами к ней прильнешь.

Прильнешь, и ты уже не одинок,
ее течение — это твой источник.
Коснись реки, и станешь ты моложе,
и голос матери услышишь в ней.

Чего б ни видел, сколько б лег ни прожил,
чем дальше речка, тем она слышней.

Пусть плеск ее далек, далек, далек,
ее течение — это твой исток.

* * *

Земля, твой камень трону я рукой,
коснусь травы, вдохну прохладу сада,
твой день и ночь, покой и непокой —
все для меня и благо и награда.

Идет твой снег — снежинки я ловлю,
гремит твой гром — я сладко замираю,
по всем твоим погибшим я скорблю
и счастья всем живым твоим желаю.

Протягиваю руку — вот скала,
вот камень твой, вот куст, вот медуница,
ты и под снегом для меня тепла,
как хлев ягненку и гнездо для птицы.

ВОЗРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФУ

Нет, не все за роковой чертою
кончится, исчезнет на века,
и трава, что пала под косою,
станет звонкой струйкой молока.

Упадет солдат на поле боя —
выйдет в поле сын ему под стать,
засияет чистой красотою
девушка, похожая на мать.

Будет тьма за роковой чертою,
но не все скончится навек, —
где срубили дерево зимою,
там весною прорастет побег.

Утром будет печь шипеть от жара,
хоть осталась с ночи лишь зола.
Если рухнет со скалы чинара,
все-таки останется скала.

Все ль горит от жажды и от зноя,
если высохнет река одна?
Если солнце сядет за горою,
разве не покажется луна?

ВТОРОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ФИЛОСОФУ

Повторяют люди: «Под луной
было все, и ничего не ново!»
Почему ж своею новизной
удивляет нас иное слово?

Дождь не нов, но каждый раз идет
он не так, как шел на той неделе,
и вдали прочерчен небосвод
радугой, как никогда доселе.

Не стареет облик красоты,
древние узоры и сплетенья,
новы наши старые мечты,
виденные сотни раз виденья.

И прекрасен наш привычный труд
тем, что нов всегда он, как вначале,
и по-новому нам сердце жгут
наши вековые печали.

Новы старый друг и старый враг,
ожиданье и предвестье чуда,
нов в дороге дальней каждый шаг,
ибо он не сделан был покуда.

Нов бывает каждый день с утра,
каждое осмысленное слово.
Под луною все живое ново,
под луною только смерть стара.

* *
*

Печаль заглохшего колодца
и вечер знает и восход,
гора, трава, что рядом вьется,
хотя воды его не пьет.

Печаль заглохшего колодца,
его тревога и беда
и камень мучит, хоть клянется,
что не нужна ему вода.

Печаль заглохшего колодца —
и в этом суть любой беды —
в конце концов того коснется,
кто и не пил его воды.

Печаль заглохшего колодца
тебе не обещает благ.
И над чужой бедой смеется
лишь незадачливый дурак.

Печаль заглохшего колодца
пусть всех печалит, всех гнетет:
беда, что в дом к соседу рвется,
наш дом навряд ли обойдет.

Кто от несчастья увернется?
От горя спрятаться куда?
Печаль заглохшего колодца —
твоя беда, моя беда.

* * *

Огнем горячечным охвачен,
не спит малыш, и мать всю ночь
баюкает его и плачет,
не знает, чем ему помочь.

Что объяснить ребенок может,
вину предъявит он кому?
Но в чем-то мать винится все же,
и ей больнее, чем ему.

Весь мир беспомощен позорно,
но слышится издалека,
как, скрипнув, замирает жернов
и застывают облака;

и в поле клонится пшеница,
цветок цвести перестает,

и птица на ольху садится
и прерывает свой полет;

и степи ахают спросонок,
и задыхаются в пыли —
страдает на земле ребенок —
частица малая земли.

И все за боль его в ответе,
и слышен плач его везде...
В беде один малыш на свете —
и вся вселенная в беде.

МАТЬ

Проходит женщина к себе в аул
тропую каменистой и покатой.
Ребенок на руках ее уснул,
как я у матери своей когда-то.

Проходит женщина, чужая мать,
вернув меня к истоку жизни длинной.
Мне кажется, должны благоухать
ее одежды дынями и глиной.

А до меня ей вовсе дела нет.
Она к груди ребенка прижимает,
как будто ото всех на свете бед
сейчас его собою прикрывает.

Проходит мать, скрывается вдали.
Все в мире начинается сначала.
И кажется, что счастье всей земли
она сейчас к своей груди прижала.

Тревога жжет ее наверняка.
Что ждет она и что на свете ищет?
Проходит мать, идет издалека
через поля, века и пепелища;

идет от сотворенья, как сейчас,
неся в руках могучих, хоть и тонких,
истоки жизни каждого из нас,
как нынче, детство этого ребенка.

Ее шаги стихают в тишине.
Все замирает — нет ни туч, ни пыли.
Проходит мать, и — показалось мне —
перед нею горы головы склонили.

СЛЕПЫЕ

Не могут различить слепые,
гора близка иль далека,
на небе тучи грозовые
иль голубые облака.

«Тарк-тарк» — стук посохов убого
доносится издалека.
Идут слепые, и дорога
им не бывает широка.

Не видят ни земли, ни неба
слепые люди с малых лет,
лишь вкус воды и запах хлеба
слепым определяют цвет.

Вершат слепые путь свой древний,
идут неспешно в жаркий день,
не зная цвета тех деревьев,
которые им дарят тень.

Но жизнь порою все иначе,
и мы слепых берем в пример,—
кто увидал из самых зрячих
то, что узрел слепой Гомер?

«Тарк-тарк» — беспомощны, как дети,
идут слепые тяжело.
Но и для них на белом свете
не все черно, не все бело.

«Тарк-тарк» — по камешкам горячим
постукивают палки их.
Пред ними тьма, их свет утрачен,
им видно только, что у зрячих
есть беды, как и у слепых.

ЖИВУЩИМ ТРУДНО

Не ждавшим никогда даров небесных,
надевшимся на свои труды,
вам лучше было, чем другим, известно,
как сладок запах хлеба, вкус воды.

Вы возводили на земле основы,
взрыхляли землю, клали кирпичи,
вы знали цену делу, цену слову,
на небе солнцу и огню в печи.

Хлеб добывая, вы теряли силы,
вы в гору шли порой совсем одни,
но трудные дороги вас учили
быть стойкими, а значит, быть людьми.

Хватало в мире радости и боли,
слез и улыбок,
но во все века
людей, живущих трудно, было боле,
чем тех людей, чья жизнь была легка.

У всех живущих трудно путь неровен,
а жили трудно под пятой невзгод
и композитор Людвиг ван Бетховен,
и мой отец — чегемский скотовод.

МАРИКЕ ЧИКОВАНИ

1

О как ты плакала, Марика,
не многим плакать так дано,
и небо за горой великой
с тобой рыдало заодно.

Звезда сквозь тучи в отдаленье
проблескивала, как свеча,
и, как бывшее сновиденье,
цвела на склоне алыча.

А твой Симон лежал безмолвно,
он жизни отдал столько сил,
что пальцы были тонки, словно,
устав, перо он отложил.

Как ты, Марика, убивалась,
а он на покрывале трав
лежал незряч, и нам казалось,
что он закрыл глаза, устав;

зажмурил веки глаз печальных,
что видели давно с трудом
на небе свет созвездий дальних
и на земле соседский дом.

Как бесполезны были слезы
над тем, кто позабыть успел,
что розовы весною розы,
что снег в горах зимою бел!

О как, Марика, ты скорбела!
Бессильные стояли мы
там, где Симона и Пшавела
теперь соседствуют холмы.

О как ты плакала, Марика,
был птичьим крик твой в тишине,
и что-то было в нем от крика,
что к небесам взлетит по мне.

С любовью смерть равновелика,
как боль и радость, день и ночь.
О как ты плакала, Марика,
но чем я мог тебе помочь!

II

Знаю, ты мне, о женщина, внемлешь.
Но, бессильному, что мне сказать!
Как восславить тебя, словно землю,
что несет нам свою благодать.

В час печали дарить утешенье,
быть любимую не мудрено,
но провидцу, лишенному зренья,
стать глазами не каждой дано.

О Марика, над белой горою,
ввысь, где снег да нездешняя мгла,
с песней барда и славой героя
имя «Женщина» ты подняла.

Нет венцов, чтоб тебя увенчали,
нет стихов, чтоб тебя вознесли,
чувство женщины выше печали,
выше слов и несчастий земли.

Не в безмолвном унынье скорбящей,
не ликующей радостным днем —
я запомню тебя в настоящем,
безутешном величье твоём.

Кто я есть, чтоб нести утешенье,
что подвластно мне, что мне дано?
Люди смертны, как смертны растения,
но бессмертна любовь, как зерно.

* * *

Я не могу сказать: «Мне все равно,
что будет в мире после нас твориться!»
За кладбищем, где тлеть мне суждено,
пусть сад цветет и поле колосится!

Ты, мир, меня жалел не больше всех,
когда уйду, других жалей и радуй,
пусть дождь идет, и пусть шумит орех
листвою за кладбищенской оградой.

Я не скажу: «Пусть мир летит с основ,
когда я буду истлевать в могиле!»
Из мира уходя, подобных слов
ни мой отец, ни мать не говорили.

* * *

Ум с мишурой враждуют с давних пор,
на лицедейство правда смотрит косо,
каменотес искусней, чем актер,
вживающийся в роль каменотеса.

Чем большая печаль нам суждена,
чем больше тратим сил мы ради хлеба,
тем нам ясней, что ночью и луна
восходит не для украшения неба.

Вся мишура истлеет в суете,
и с украшений слезет позолота.
Бытует вечность только в простоте,
а простота — лишь мудрость и работа.

* * *

— Что тебе милей всего, сосна?
— Высота — вот страсть моя и гордость!
— Что тебе милей всего, скала?
— Твердость!

— Море, что тебе всего милей?
— Широта земли, моя безбрежность!
— Что тебе, весна, всего милей?
— Нежность!

— Что тебе, зима, милей всего?
— Белизна на белоснежном поле!
— Птица, что тебе милей всего?
— Воля!

ДВА ГОЛОСА В ГОРАХ

— Твердят, что здесь погрязло все во зле,
издревле здесь жестокость почиталась!

— Неправда, здесь, как на любой земле,
ценили сострадание и жалость.

— Что ж было свято в давние года
для этих гор, для здешнего народа?

— Здесь были и остались навсегда
священны хлеб, работа и свобода!

— Здесь, говорят, сражались племена,
чем кровь врага, вода была дороже!

— Здесь знали: кровь людей у всех красна,
хоть разны боги их и цвет их кожи!

— Чужую жизнь никто здесь не ценил,
здесь кровь текла, как в половодье реки!

— Неправда, тот, кто кровь чужую лил,
презренен был и проклят был навеки!

— Не здесь ли Прометея Зевс карал,
цепями к скалам приковав когда-то?

— Быть может, здесь, но ни одна из скал
в жестокости богов не виновата!

* * *

Упал на траву я, свалился без сил,
и стал я всеильным, как некогда был,
на мне ни греха, ни вины.

Как в детские годы, потрогал я снег,
и стал я мальчишкой — седой человек,
я чист от его белизны.

БОЛЬНОЙ

Он бредит, то смеется он, то плачет,
то ввысь летит, то катится на дно,
холодный пот стерев рукой горячей,
он мать зовет, которой нет давно.

Уже давным-давно немолод сам он,
сам породил сынов и дочерей.
И все ж он вскрикивает: «Мама, мама!»
и шепчет: «Подойди сюда скорей!»

Больной сегодня очень беспокоен,
старуха мать в его приходит сон.
И кажется: его щеки рукою
коснись она — он будет исцелен.

Еще ни разу так самозабвенно
ее не звал он, как на этот раз.
Ужель всему мы понимаем цену
в свой трудный, может быть, последний час?

Дай бог ему здоровья и удачи,
ему да будет счастье суждено...
А он стирает пот рукой горячей
и мать зовет, которой нет давно.

Когда приходит ночь, кричит сова,
а птицы певчие поют с рассвета...
Чинары и другие деревья
за свой некроткий век постигли это.

И в зимние безрадостные дни
не гнутся их стволы под вьюгой снежной,
за долгий век свой поняли они,
что смена зим и весен неизбежна.

И даже если жизнь нехороша,
уйдя корнями вглубь, в родную землю,
стоят деревья, злобой не греша,
мороз и зной как должное приемля.

И хоть не все деревьям трын-трава,
но потому покой их бесконечен,
что в час ночной, когда кричит сова,
поскрипывая, мыслят деревья:
«Настает час, и птицы защебечут».

ЗИМНЯЯ ПЕСЕНКА

Снег идет, не перестанет,
дуют ветры декабря.
Не горюй: апрель настанет,
мир цветами одаря.

Мгла январская все гуще,
на реке плотнее лед.
Но не бойся, май цветущий
обязательно придет.

Снег покрыл поля и склоны,
злы метели февраля.
Но в свой час ковром зеленым
все ж покроется земля.

СТИХИ О ВРАГАХ

Никто из нас не застрахован
от зависти и от беды,
от оскорбительного слова,
от злобы — матери вражды.

Злорадствует твой враг недалний,
и я предположить могу:
чем день твой горше и печальней,
тем слаще твоему врагу.

Ему неважно, кто ты, что ты,
ты для него — всего лишь враг,
нет у него иной заботы,
как ждать, чтоб ты попал впросак.

Он весел от твоей печали,
твоей беде он рад весьма,
хотя она ему едва ли
прибавит силы и ума.

Стерпи все козни, все укоры,
врагов своих удачей зли,
но так живи, чтоб наши горы
тебя стыдиться б не могли.

Иди прямой своей дорогой,
вражда ничтожеств не беда.
В конце концов страшной намного
их дружба, нежели вражда.

Пусть они тебя ославят,
их ненависть почти за честь.
Пусть они враждой заставят
тебя быть лучше, чем ты есть.

Не следует врагов стыдиться
и опускать в бессилье рук.
Всегда, чем голосистей птица,
тем больше хищников вокруг.

* * *

Как хорошо проснуться на рассвете,
глядеть на мир, за птицами следить
и знать, что выше счастья жить на свете
на свете ничего не может быть.

Какое счастье утром пробудиться,
увидеть гребни гор издалека,
увидеть, как над зрелой пшеницей
неспешно проплывают облака.

Какое это счастье, что ты можешь
смотреть на дорогих тебе людей,
на землю, чьи черты святые схожи
с чертами старой матери твоей.

Прекрасно все, что просто, все, что сложно,
и как ни восхищаться нам с тобой
любой земною тварью, пусть ничтожной,
земной неповторимой красотой!

Прекрасно все — и сокол, и кузнечик,
зеленый и желтеющий листок,
и дождь, и снегопад, и чет, и нечет —
все, что приходит в срок или не в срок.

Как хорошо проснуться на рассвете,
глядеть на мир, за птицами следить
и знать, что выше счастья жить на свете
на свете ничего не может быть!

* * *

Уйдя, я не возьму ни речек белых,
ни гор родных, где вешняя трава,
оставлю все, что сделал, что не сделал,
дурные и хорошие слова.

Ну, а пока я жив, и я с тобою,
и предстоит нам встретить час зари,
легко и тихо, словно снег с горю,
поговори со мной, поговори!

Поговори, как с другом закадычным,
как летний ветерок с листвою лесной,
как речка с берегом своим привычным,
поговори, поговори со мной.

О чем-то важном или несерьезном,
как степь со звездами порой ночной,
пока живу, пока еще не поздно,
поговори, поговори со мной!

Покуда мы живем и нам не спится,
покуда дышишь ты, и я дышу,
со мной хотя бы, словно серп с пшеницей,
поговори, прошу тебя, прошу!

БЛАГОДАРЮ СОЛНЦЕ

Благодарю тебя за то, что рано
пришло во двор и в сад наш забрело,
за то, что в дыню на краю баштана
ты жизнь вдохнуло, дав свое тепло;

за то, что греешь и морковь, и редьку,
и журавля, и камень на скале,
за то, чтоходишь с мальчиками в речку,
даря им счастье и любовь к земле;

за то, что греешь и змею и птицу,
за то, что заставляешь жмурить глаз,
за то, что ты вошло в окно больницы,
где кто-то видит день в последний раз;

за то, что никого не обделяло,
всех равно одаряя и любя,
за то, что ты ягненка обласкало,
впервые увидавшего тебя.

Перед тобою преклонив колени,
сказать «спасибо» и за то хочу,
что без тебя на свете нету тени
ни путнику, ни камню, ни ручью.

Благодарю, что в пору лихолетья,
когда кругом была сплошная мгла,
сознание, что где-то солнце светит,
меня обороняло ото зла.

Тебе обязан я, как все на свете,
как буйволы, и камни, и трава.
Прошу тебя еще: согрей и эти
простые, благодарные слова.

* *
*

Нет, не зря в огне костра пылало
дерево-краса и гордость гор,
и зола не зря золою стала:
зимним днем нас обогрел костер.

Снег, что шел зимой, весной растает,
но не зря зимою снег идет:
хоть растает он, но пропитает
поле, где весною хлеб взойдет.

Не бесследно то, что проходяще,—
служит в мире все добру иль злу.
Вот и вспомнил я огонь гудящий,
глядя на остывшую золу!

ТЕРПЕНЬЕ

В твой дом несправедливость и беда .
пусть не найдут дороги никогда.

Но если их тебе не избежать,
умей терпеть, а это значит ждать.

Терпи, как пуля, сжатая в стволе,
терпи, как порох, спрятанный в земле;
как терпят боль от топора чинары,
как терпит камень молота удары.

Есть мужество боренья, но не менее
благословенно мужество терпения.

Терпенье — вот, мой друг,
оружие героя,
коль выбито из рук
оружие другое.

* *
*

Не верю тем, чьи никогда
глаза печалью не туманятся,
я знаю: плачет и вода
пред тем, как льдом она затянется.

Река грустит, как мы с тобой,
хотя и знает: все изменится —
растает лед и вновь листвою
ольха на берегу оденется.

Без грусти лист не упадет,
без боли ветка не сломается,
без тяжких мук не тает лед
и льдом трава не покрывается.

Мне видится в закате дня:
стекает на дорогу пыльную
слеза крестьянского коня,
что тянет тяжесть непосильную.

Поэты, знаете ли вы
печаль травы, под корень скошенной,
боль выгорающей листвы
и женщины, любимым брошенной?

Умение жить и не страдать —
благое свойство не любившего
заботой согнутую мать
и брата своего погибшего.

Не станет людям веселей
от показного молодечества.
Легко любить все человечество,
соседа полюбить сумей.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Я знаю, трудно быть горой,
хранить покой века,
я знаю, тяжелы порой
снега и облака.

Но как прекрасно быть горой,
вовек не знать забот
и понимать, что над тобой
лишь снег да небосвод.

Как хорошо на мир глядеть
с той белой высоты,
к которой могут долететь
лишь птицы и мечты.

2

Я знаю, трудно быть рекой,
зимой под снегом стыть,
о камни биться головой,
чтоб в скалах путь пробить.

Но как прекрасно быть рекой,
живой водою быть,
дарить надежду и покой
и буйволов поить,

в сеть рыбаков бросать дары,
теряться вдалеке,
быть радостью для детворы,
что плещется в реке.

3

Я знаю, трудно быть ольхой
и вянуть каждый год,
терпеть, что даже зверь незлой
твою кору грызет.

Но как прекрасно быть ольхой
менять наряд весной,
быть птицам крышею родной,
влюбленных прятать в зной.

Пусть солнце жжет ее в жару,
зима несет ей зло
как хорошо служить добру,
как это тяжело!

Но жизнью все живут такой,
какою могут жить:
ольхе-ольхой, реке — рекой,
горе — горою быть!

ВОСПОМИНАНИЕ О ЗИМЕ

Как будто застыло время,
я вижу: белы дома,
и снегом пишет в Чегеме
белую повесть зима.

Путник пришел издалёка,
и бурка его в снегу,
у матери в тесте по локоть
руки... Забыть не могу.

Дорогу и скаты лудрит
снегами своими зима,
и, значит, на санках утром
мы будем лететь с холма.

У печки гость запоздалый
растягивает слова,
мне дремлет, я, усталый,
все слышу едва-едва.

А снег все валит на крыши,
мне веки сон тяжелит,
и гость говорит все тише,
и тише огонь горит.

И вот, убаюканный речью,
поднять я не в силах век,
и нет ни гостя, ни печи,
а только санки да снег;

я сплю, чтоб встать спозаранку,
не зная ни бед, ни зла...
У меня тогда были санки
и мама еще была.

* * *

Открытие всегда необратимо —
что сделано, того назад не взять, —
когда Эйнштейн узнал о Хиросиме,
он ничего не в силах был сказать.

Когда-то строя цепь своих теорий,
он не предвидел городов в дыму,
не знал, что для кого-то станет горем
закон, пока понятный лишь ему.

Так, значит, все его труды и бденья,
все то, что счастье принести могло,
безумный мир во зле и ослепление
так просто обратил себе во зло.

Во все столетья путь открытий труден —
что сделано, того не взять назад;
и Прометей, огонь принесший людям,
в том, что дома горят, не виноват.

Открытие всегда необратимо,
и перед ним его создатель — раб...
Молчал Эйнштейн, узнав про Хиросиму,
он был, как я, беспомощен и слаб.

* * *

Зимует птица между скал, где лед,
к ее крылу снежинка примерзает,
порой взлететь ей ветер не дает —
как птице тяжело зимой бывает!

Растет трава на скалах и камнях,
никто ее от бурь не укрывает,
на камни сыплет ветер снежный прах —
как тяжело траве в горах бывает!

По снегу едут трактор и арба,
чуть солнце — снег слезами истекает.
Хоть он и бел, черна его судьба,
как снегу тяжело порой бывает!

Река течет зимою подо льдом,
ей душно и темно, но лед не тает,
и день и ночь река течет с трудом —
как тяжело реке зимой бывает!

Но счастлива река — она течет,
и счастлив снег — на солнце он сверкает,
и счастлива трава — она растет,
и птица счастлива — она летает.

ГОВОРЮ С ЧЕРНЫМ ВЕТРОМ

— Я черный ветер, мне ничто не мило,
как злая весть, я прихожу в твой дом!

— Ты, ветер, приходил уже, все было,
ты разорял и рушил все кругом.

— Что, человек, жалеть тебя такого!
Я дом твой повалю и кров сорву.

— Меня ты оставлял уже без крова,
но я отстроил дом и в нем живу!

— Глупец, твоей гибели я жажду,
я загашу очаг твой, я жесток!

— Ты мой очаг гасил уже однажды,
но я пришел и вновь его разжег!

— Эй, глупый человек, я беспощаден,
твой уничтожить труд мне хватит сил.

— Однажды ты порвал мои тетради,
написанное я восстановил!

— Я дуну — и посевы станут пылью,
я сдую в пропасти твои стада.

— Ты это делал все, но сам в бессильи
ушел, и зреет хлеб мой, как всегда!

— Нашлю я и пожары и морозы,
разрушу все, все по ветру пушу!

— Ты приходил уже с такой угрозой,
но я живу, детей своих ращу!

— Я вижу, на земле играют дети,
я дуну — и не будет вас вовек.

— Я слышу запах пепла, черный ветер,
но я сильнее тебя, я человек!

* * *

Среди миров огромных и светил
пусть я всего песчинкой малой был.

Но и песчинкой малой — и таким,
наверное, я был необходим.

Моя была мгновенна с жизнью связь,
но жизнь и без меня не обошлась.

Спасибо вам, мои учителя,
вам, горцам мудрым, как сама земля.

Я ваш закон перенимал с любовью,
учился вашему немногословью,

учился я молчанью вашей боли,
учился речи доброй в час застолья.

РАССТАВАНЬЕ

Расставанье, твой прощальный час
черным солнцем озаряет нас.

И черна, как днище казана,
всходит черная твоя луна.

Тяжкая минута расставанья,
пахнет порохом твое название.

Я постиг мелодию разлук —
падающих листьев горький звук.

Всплеск реки, куда с вершины скал
человек подстреленный упал.

ПРОШЕДШИЙ ДЕНЬ

Прошедший день, тебя я не корю,
ничтожно ль, велико ль твое значенье,
ты радость мне принес иль огорченье,
я все равно тебя благодарю!

Каким бы ни был ты, я говорю:
от твоего начала до предела
я радовался, мыслил, делал дело,
я все равно тебя благодарю!

И, глядя на вечернюю зарю,
я думаю, что ни ушло б с тобою,
я жил, я видел небо голубое,
я все равно тебя благодарю.

Прошедший день мой, я назад смотрю,
пусть хмур был твой рассвет, печален вечер,
нам вновь не суждена с тобою встреча.
Я все равно тебя благодарю!

Прошедший день, я снова повторю:
ты был веселый или же печальный,
наш все равно печален час прощальный,
я все равно тебя благодарю!

Частицу жизни я тебе дарю,
жизнь коротка, а время бесконечно.
Прощай, я говорю тебе сердечно,
я все равно тебя благодарю.

Прощай, тебе я двери отворю,
прощай, твоё тепло, прощайте, птицы!
Все, что принес ты, мне потом приснится,
я все равно тебя благодарю!

ТОМУ, КТО ПРИДЕТ ВСЛЕД ЗА МНОЙ

Прости, не все каналы я пророю,
не все пути, не все дома построю,
работы хватит и тебе с лихвой,
и будут птицы черные порою
кружиться над твоею головою,
как над моей кружились головою.

И ты стирать до крови будешь ноги,
крутой одолевая перевал,
и ты, быть может, загрустишь в тревоге,
и ты устанешь тоже на дороге,
как некогда и сам я уставал.

Как всякое на свете поколение,
и ты всю землю примешь во владенье,
и сам ты будешь ночи напролет
глядеть на дождь, как будто с сотворенья
дождь над землею первый раз идет.

И, сидя с милой на траве примятой,
ты будешь с жаром говорить, любя,
слова, что были сказаны когда-то,
ты заблуждаться будешь, веря свято,
что я не говорил их до тебя.

И ты захочешь мир собственноручно
переиначить и перекроить,
и песню наших лет сочтешь ты скучной
и новую попробуешь сложить.

Не принимая ничего на веру,
мы не умеем следовать примеру,
мгновенно отличать от правды ложь.
И мудрость мудрых, хоть и старых правил,
которые в наследство я оставил,
ты сам откроешь и тогда поймешь.

* *
*

Опять чинары скорбно шелестят,
и где-то снова бой идет без славы,
и где-то снова в брата целит брат,
и снова смерть приходит к тем, кто правы.

И мальчуган по улицам пустым
уходит в школу и не возвратится,
и слово скорбное мое над ним
спешит, как мать горская, склониться.

Опять селенья чьи-то сожжены,
вновь жертва плачет, а палач смеется.
А мне еще недавно снились сны,
как будто кровь уже нигде не льется.

Безоблачные сны, как вас легко
развеять дальним отголоском грома,
который хоть и грянул далеко,
а все ж и моего коснулся дома.

Пусть над одним утесом гром гремит,
не может и другой стоять в покое,
нетронутое дерево скорбит,
хоть люди рубят дерево другое.

ВСЕ ЕЩЕ ВПЕРЕДИ

Люди, не можем достичь мы предела:
лучшее слово и лучшее дело —
все еще впереди,
все еще впереди,
иди!..

Самая звучная песня не спета,
самая лучшая женщина — где то.
Все еще впереди,
все еще впереди,
иди!

Горе забудется, чудо свершится,
сбудется то, что покуда лишь снится.
все еще впереди,
все еще впереди,
иди!

Не подводите покамест итога,
самая светлая наша дорога
все еще впереди,
все еще впереди,
иди!

И оттого, что вся жизнь — ожиданье,
сеется хлеб и возводятся зданья.
Все еще впереди,
все еще впереди,
иди!

Созданы лучшие в мире творенья
не оттого ли, что жизнь — предвкушенье
всего, что еще впереди?
Иди!

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи, сказанные в лунную ночь	3
Поэтам двадцатого века	3
Художник	4
Женщина купается в реке	5
Когда стареет красивая женщина	6
Речки детства	7
«Земля, твой камень трону я рукой»	8
Возражение философу	8
Второе возражение философу	9
«Печаль заглохшего колодца...»	9
«Огнем горячечным охвачен...»	10
Мать	11
Слепые	12
Живущим трудно	13
Марике Чиковани	13
«Я не могу сказать: «Мне все равно...»	15
«Ум с мишурой враждуют с давних пор...»	15
«— Что тебе милей всего, сосна?»	16
Два голоса в горах	16
«Упал на траву я, свалился без сил...»	17
Больной	17
«Когда приходит ночь, кричит сова...»	18
Зимняя песенка	18
Стихи о врагах	19
«Как хорошо проснуться на рассвете...»	19
«Уйдя, я не возьму ки речек белых...»	20
Благодарю солнце	21
«Нет, не зря в огне костра пылало...»	22
Терпенье	22
«Не верю тем, чьи никогда...»	22
Три стихотворения	23
Воспоминание о зиме	25
«Открытие всегда необратимо...»	25
«Зимует птица между скал, где лед...»	26
Говорю с черным ветром	27
«Среди миров огромных и светил...»	27
«Спасибо вам, мои учителя...»	28
Расставанье	28
Прошедший день	28
Тому, кто придет вслед за мной	29
«Опять чинары скорбно шелестят...»	30
Все еще впереди	31

*Выигрши
от 3 руб.*

тираж каждые 10 дней

СПОРТЛОТО